

ВИДОИЗМЕНЕННЫЙ УГЛЕРОД

Эта книга посвящается моим отцу и матери.

ДЖОНУ

за железное терпение и необыкновенную
твёрдость духа перед лицом невзгод.

МАРГАРЕТ

за раскалённую добела ярость,
в которой находилось место как состраданию,
так и нестигаемой стойкости

ПРОЛОГ

За два часа до рассвета я сидел на обшарпанной кухне и курил позаимствованную у Сары сигарету, прислушивался к буре и ждал. Миллспорт давно обезлюдел и затих, но один из потоков Предела по-прежнему накатывал на мелководье. Шум прибора разносился по пустынным улицам. Ветер гнал со стороны водоворота густой туман, капли воды ниспадали на город складками муслина и покрывали окна кухни мутной пеленой.

Возбужденный нейрехимией, я в пятидесятый раз за ночь осмотрел снаряжение, разложенное на поцарапанном деревянном столе. Сарин осколочный пистолет «Хеклер-Кох» тускло блеснул в полумраке, готовый принять обойму в зияющее отверстие рукоятки. Оружие убийцы, компактное и полностью бесшумное. Рядом лежали обоймы. Чтобы различать боеприпасы, Сара обмотала их изолентой: зелёной — усыпляющие пули, чёрной — с паучьим ядом. Большинство обойм на столе — с чёрной изолентой. Почти все зелёные Сара израсходовала вчера ночью на охранников биокорпорации «Джемини».

Мой оружейный запас не столь изысканный. Огромный серебристый «Смит-Вессон» и четыре последние гранаты с галлюциногенным газом. Узкие алые полоски на металлических боках поблескивают так, словно желают соскользнуть со стального корпуса гранаты и поплыть по воздуху в компании струек сигаретного дыма. Смещение визуальных образов — побочный эффект дозы тетрамета, принятой сегодня утром на причале. В нормальном состоянии я не курю, но по какой-то причине тетрамет вызывает у меня тягу к табаку.

Внезапно я услышал новый звук, перекрывающий рёв водоворота. Торопливый шум несущих лопастей, рассекающих ночной воздух.

Удивляясь своему спокойствию, я загасил сигарету и прошел в спальню. Сара спала: плавные изгибы тела виднелись под тонкой простыней. Прядь чёрных как смоль волос скрывала лицо, рука с длинными пальцами вытянута вдоль кровати. Я стоял и смотрел на неё, когда ночь за окном взорвалась. Станция орбитальной защиты планеты Харлан сделала пробный залп по Пределу. От раскатов грома задрожали стёкла в окнах. Лежащая на кровати женщина зашевелилась и смахнула волосы с лица. Её глаза, напоминающие жидкий хрусталь, отыскали меня и остановились.

— Что ты разглядываешь?

Голос не проснувшегося до конца человека. Я улыбнулся.

— Не обманывай меня. Признавайся, что ты разглядывал?

— Просто смотрел на тебя. Пора идти.

Оторвав голову от подушки, Сара уловила шум вертолета. Её сон как рукой сняло. Она уселась в кровати.

— Где оружие?

Первый вопрос, который задаст боец Корпуса чрезвычайных посланников. Я улыбнулся, будто встретил старого друга, и указал на ящик в углу комнаты.

— Принеси мой пистолет.

— Слушаюсь, мэ. Чёрные или зелёные?

— Чёрные. Я доверяю этому сброду не больше, чем презервативам из изоленты.

Я вернулся на кухню, вставил обойму в осколочный пистолет и, бросив взгляд на своё оружие, оставил его на столе. Вместо этого я сгрёб одну Г-гранату. Остановившись в дверях спальни, я взвесил в руках пистолет и гранату, словно определяя, что тяжелее.

— Мэм желает ещё что-нибудь, помимо фаллоимитатора?

Сара бросила на меня взгляд из-под чёрных волос, свешивающихся на лоб дугой. Она натягивала шерстяные чулки на ноги.

— У тебя всё равно самый длинный ствол, Так.

— Размер не главное...

Этот звук мы услышали одновременно. Сдвоенное металлическое «щёлк» из коридора. Наши взгляды встретились, и на четверть секунды в глазах Сары отразился мой собственный ужас. Опомнившись, я швырнул ей осколочный пистолет. Сара протянула руку и поймала его в воздухе в тот самый момент, когда стена спальни с оглушительным грохотом обвалилась внутрь. Взрывной волной меня сбilo с ног, отбросив в угол.

Судя по всему, наше местонахождение установили с помощью датчиков, регистрирующих тепло человеческого тела. Заминировали всю стену целиком: наши противники не хотели рисковать.

Первый из командос ворвался в пролом в стене. Коренастый, в противогазе и защитном снаряжении похожий на насекомое, он держал в руках, затянутых в перчатки, короткоствольный «Калашников».

Оглушённый взрывом и распростёртый на полу, я бросил в него Г-гранату. Граната была без запала и в любом случае не смогла бы справиться с противогазом.

Но у командос не было времени определять характер брошенного в него устройства. Он отбил гранату прикладом автомата и отшатнулся назад, от испуга широко раскрыв глаза под стёклами противогаза.

— Сейчас рванет!

Сара сидела на полу рядом с кроватью, обхватив руками голову, все ещё оглушённая взрывом. Услышав мой крик, она воспользовалась секундным смятением и вскочила, поднимая осколочный пистолет. В просвет стены я увидел фигуры, пригнувшиеся в ожидании взрыва гранаты. Послышался комариный писк мономолекулярных осколков, и три пули вонзились в грудь первого командос. Не оставляя заметных отверстий, они пробили бронезилет и впились в живую плоть. Командос крикнул, словно напряг все силы, чтобы поднять тяжесть. Паучий яд вонзил когти в его нервную систему. Усмехнувшись, я начал подниматься с пола.

Сара перевела пистолет на другие тела за разрушенной стеной, но тут в дверях кухни встал второй «воин ночи» и окатил её очередью из автомата.

Стоя на коленях, я с отчётливостью, вызванной нейрохимией, увидел, как Сара умерла. Всё происходило, будто в замедленной съёмке. Командос целился низко, оперев «Калашников» в плечо, чтобы совладать с отдачей, которой славится этот гиперскорострельный автомат. Сначала пули обрушились на кровать, разлетевшуюся облаком белого гусиного пуха и клочьев ткани. Затем огненный дождь захлестнул Сару, запоздало обернувшуюся к двери. У меня на глазах её нога ниже колена превратилась в кровавое месиво; потом пули вонзились в тело, вырывая бледно-розовые клочки мяса.

Как только автомат умолк, я вскочил на ноги. Сара перекатилась на живот, словно в попытке скрыть раны от выстрелов. Я выскочил из угла, и командос не успел навести на меня «Калашников». Ударив его в область паха, я отбил автомат и вытолкнул бойца назад, на кухню. Автомат зацепился стволом за дверной косяк, и командос разжал руки. Рухнув вместе с ним на пол, я услышал стук упавшего «Калашникова». С быстротой и силой тетраметра я уселся на командос верхом. Отбив неловкий выпад,

я схватил обеими руками его голову и ударил о каменные плиты пола, будто кокос.

Глаза командос, скрытые маской противогаза, помутнели. Я опять треснул его черепом об пол, чувствуя, что кости затылка проваливаются внутрь, словно мокрый картон. Не удовлетворившись этим, я колотил снова и снова. В ушах у меня ревел водоворот, и откуда-то издали доносился мой собственный голос, выкрикивающий ругательства. После четвёртого или пятого удара меня толкнули между лопаток, и тут же — магия! — в лицо брызнули щепки разбитой ножки стола. Две из них больно ужалили меня в щёку.

Необъяснимо, но моя ярость мгновенно испарилась. Нежно опустив голову командос на пол, я удивлённо поднес руку к торчащим из лица щепкам. И только в этот момент я понял, что в меня выстрелили, а пуля, пробив тело насквозь, вылетела из груди и расщепила ножку стола. Ещё не до конца осознавая, что произошло, я опустил взгляд и увидел тёмно-красное пятно, расплывающееся на рубашке. Никаких сомнений. Выходное отверстие такого размера, что в него войдет шар для гольфа.

С осознанием того, что я ранен, пришла боль. Показалось, как кто-то быстро протащил через мою грудную полость стальную щеточку для чистки курительных трубок. Не отдавая отчёта в том, что делаю, я поднял руку, нащупал рану и вставил в неё два пальца. Кончики пальцев наткнулись на острый конец треснувшей кости, за которым пульсировало нечто шершавое. Пуля не задела сердце. Проворчав что-то нечленораздельное, я попытался встать. Ворчание перешло в мокрый кашель, и я ощутил во рту привкус крови.

— *Не двигайся, мать твою!*

Этот крик, искаженный страхом, вырвался из юной глотки. Согнувшись пополам, я бросил взгляд через плечо. В дверях, у меня за спиной, стоял молодой мужчина в полицейской форме. Он сжимал в руках пистолет, из которого только что выстрелил. Было заметно, как оружие дрожит. Задышавшись от кашля, я отвернулся к столу.

«Смит-Вессон» был у меня прямо перед глазами, сверкая серебром, на том самом месте, где я оставил его меньше двух минут назад. Возможно, меня подтолкнуло именно осознание того, как мало времени прошло с момента, когда Сара была ещё жива и всё было в порядке. Меньше двух минут назад я мог бы взять пистолет. Так почему бы не сделать это сейчас? Стиснув зубы, я крепче зажал рану в груди и, шатаясь, шагнул вперед. В горле забулькала тёплая кровь. Ухватившись свободной рукой за стол, я оглянулся

на полицейского, чувствуя, как мои губы раздвигаются скорее в усмешке, чем в гримасе боли.

— *Не вздумай, Ковач!*

Сделав ещё шаг, я прижался к столу бедром. Дыхание со свистом вырывалось между зубами, клокоча в горле. «Смит-Вессон» золотой обманкой блеснул на изрезанном дереве. Где-то над Пределом с орбиты сорвался пучок энергии, озаривший кухню голубым свечением. Я слышал зов водоворота.

— *Я сказал, не...*

Закрыв глаза, я протянул руку к лежащему на столе пистолету.

Часть 1

ПРИБЫТИЕ

(Выгрузка после гиперкосмического пробоя)

Глава первая

Возвращение из мёртвых может быть очень мучительным. В Корпусе чрезвычайных посланников учат полностью расслабляться перед тем, как тебя поместят на хранение. Отключиться от всего и свободно плавать. Это самый первый урок, и учителя вдалбливают его прочно.

Вирджиния Видаура — пронзительный жёсткий взгляд, изящное тело танцовщицы, скрытое мешковатым форменным комбинезоном. Я отчётливо представил, как она расхаживает перед нами в классе. «Ни о чем не беспокойтесь, — повторяла Вирджиния, — и всё будет в порядке». Десять лет спустя я встретил её в тюрьме, принадлежащей Управлению правосудия Новой Канагавы. Видауре грозил срок от восьмидесяти до ста лет: вооруженное ограбление и нанесение органических повреждений. Когда её вывели из камеры, она сказала: «Не беспокойся, малыш, всё будет в порядке». Затем Видаура закурила, глубоко затянувшись и набирая дым в лёгкие, до которых ей теперь не было никакого дела, и пошла по коридору с таким видом, будто направлялась на нудное совещание. Я смотрел ей вслед, пока мне позволяла решетка камеры, как заклинание шепча прощальные слова Видауры.

Не беспокойся, всё будет в порядке. Многозначительная шутка, едкая уличная сатира. В этих словах были и неверие в эффективность системы наказаний, и ключ к тому неуловимому состоянию рассудка, которое необходимо, чтобы благополучно преодолеть подводные скалы психоза. Что бы ты ни чувствовал, о чем бы ты ни думал, кем бы ты ни был в момент, когда тебя помещают на хранение, ты будешь испытывать то же самое, когда выйдешь назад. Тревога и беспокойство могут создать значительные проблемы. Так что надо полностью расслабиться. Отключиться. Забыться и свободно плавать.

Если на это есть время.

Я вынырнул из резервуара, барахтаясь, держа одну руку на груди и зажимая несуществующие раны, а другой нащупывая несуществующее оружие. Вес собственного тела обрушился на меня, как тяжелый молот, и я рухнул назад в плавательный гель. Взмахнув руками, больно ударился локтем о стенку резервуара и вскрикнул. Комки прозрачной массы забились в нос и в горло. Закрыв рот, я ухватился за рукоятку люка, но гель был везде: в глазах, в носу, он обжигал глотку, скользил между пальцев. Сила тяжести разжала мою ладонь, вцепившуюся в рукоятку люка, и навалилась на грудь многократной перегрузкой, вжимая в дно. Тело судорожно забилося в тесном резервуаре. Плавательный гель? Да я тонул!

Вдруг я почувствовал, как меня подхватили чьи-то сильные руки и вытащили на поверхность. Пока я, отфыркиваясь, ощущал грудь и убеждался, что ран нет, мне довольно грубо вытерли полотенцем лицо. Теперь я мог видеть. Впрочем, я оставил это удовольствие на потом, а для начала решил исторгнуть содержимое резервуара из носа и горла. Где-то полминуты я сидел, опустив голову и выкашливая гель, пытаясь понять, почему всё такое тяжелое.

— Ну вот, никакая подготовка не помогла.— Жёсткий мужской голос. Из тех, что можно услышать только в исправительных учреждениях системы правосудия.— И чему вас учат в Корпусе чрезвычайных посланников, Ковакс?

Только теперь я все понял. На планете Харлан Ковач — фамилия распространенная. Все знают, как произносить её правильно. А этот мужчина не знал. Он говорил на амеранглике, растягивая гласные, не так, как на Харлане. Но даже с поправкой на это мою фамилию он изуродовал, произнеся на конце твердое «кс» вместо мягкого славянского «ч».

И здесь всё очень тяжелое.

Это откровение проникло в моё затуманенное сознание, как кирпич, вдребезги разбивающий матовое стекло.

Я на другой планете.

Итак, Такеси Ковача (а точнее, его оцифрованный мозг) переправили куда-то очень далеко. А поскольку Харлан является единственной обитаемой планетой в системе Глиммера, это означает межзвездный скачок...

Куда?

Я огляделся вокруг. Простые неоновые трубки, подвешенные к бетонному потолку. Я сидел в открытом люке цилиндрического резервуара из тусклого металла, напоминая древнего авиатора, забывшего одеться перед тем, как залезть в кабину биплана.

Цилиндр оказался одним из двадцати, установленных в ряд вдоль стены. Напротив находилась массивная стальная дверь. Запертая. Воздух был сырой и прохладный, бетонные стены не покрашены. На Харлане помещения выдачи оболочки, по крайней мере, радуют глаз мягкими тонами, а обслуживающий персонал любезен и учтив. В конце концов, считается, что ты оплатил долг обществу. И самое меньшее, что тебе могут дать, — солнечный старт в новую жизнь.

Однако в стоящей передо мной фигуре ничего солнечного не было. Под два метра ростом, мужчина выглядел так, будто всю сознательную жизнь сражался с болотными пантерами, пока ему не попала эта вакансия. Мышцы вздувались на руках и груди, как бронезилет, а на коротко стриженной голове красовался шрам, он пересекал череп зигзагом, молнией, и скрывался за левым ухом. Мужчина носил свободную чёрную одежду с погонами и круглым значком на груди. Глаза, не уступавшие одежде по цвету, следили за мной с ожесточённым спокойствием. Мужчина помог мне сесть и тотчас отступил назад, чтобы я не смог до него дотянуться, — точно по инструкции. Судя по всему, он давно занимался этим делом.

Зажав одну ноздрю, я высморкал из другой гель.

— Вы не собираетесь сказать, где я нахожусь? Зачитать мои права и тому подобное?

— Ковакс, пока что у тебя нет никаких прав.

Подняв взгляд, я увидел мрачную усмешку, разрезавшую пополам лицо мужчины. Пожав плечами, я высморкал вторую ноздрю.

— Но вы хотя бы скажите — куда я попал?

Поколебавшись, мужчина взглянул на пересечённый полосками неона потолок, как бы проверяя информацию перед тем, как сообщить ее мне. Он пожал плечами, повторяя мой жест.

— Скажу. А почему бы и нет? Ты в Бей-Сити, приятель. В Бей-Сити, на планете Земля. — Мрачная усмешка вернулась на его лицо. — В колыбели человеческой расы. Добро пожаловать в древнейший из цивилизованных миров, ха-ха-ха!

— Слушай, если ты здесь только по совместительству, не отказывайся от предложений о переходе на основную работу, — угрюмо заметил я.

Женщина-врач вела меня по длинному белому коридору. Резиновые колеса каталок заштриховали пол чёрными полосками. Она шла довольно быстро, и я почти бежал, чтобы не отстать. На мне по-прежнему не было ничего, кроме полотенца и оставшегося кое-где геля. Движения женщины казались подчёркнуто профессиональными, однако в них сквозила какая-то тревога.

Под мышкой врач держала пачку бумажной документации. Мне захотелось узнать, сколько оболочек она загружает в сутки.

— В течение следующего дня вам надо как можно больше отдыхать.— Женщина повторяла заученные наизусть фразы.— Возможно, вы будете испытывать лёгкое недомогание, но это нормально. Все проблемы разрешит сон. Если почувствуете боль в...

— Я всё знаю. Мне уже приходилось делать это.

Мне вдруг стало не до человеческого общения. Я вспомнил Сару.

Мы остановились перед дверью с надписью «Душ», выведенной на матовом стекле. Врач предложила зайти внутрь и задержалась в дверях, разглядывая мою оболочку.

— В душе мне тоже приходилось мыться,— заверил её я.

Она кивнула.

— После того как вымоетесь, идите до конца коридора. Там лифт. Выписка этажом выше. Да, и ещё с вами хочет переговорить полиция.

В инструкции предписано (по возможности) оберегать обладателей новой оболочки от сильных потрясений, так как прилив адреналина может привести к неприятным последствиям. Но врач, судя по всему, ознакомилась с досье и решила, что встреча с полицией при моём образе жизни будет чем-то совершенно нормальным. Я постарался отнестись к этому так же.

— И что ей от меня нужно?

— Полицейские не сочли нужным поставить меня в известность.— В этих словах прозвучали печальные нотки, которые женщина должна была бы скрыть.— Похоже, ваша репутация вас опережает.

— Похоже на то.— Повинуясь внезапному порыву, я заставил мышцы своего нового лица изобразить улыбку.— Доктор, я никогда здесь не был. То есть на Земле. Я никогда не имел дела с местной полицией. Скажите, у меня должны быть причины для беспокойства?

Она взглянула на меня, и я увидел, как в её глазах смешиваются страх, любопытство и презрение.

— Имея дело с таким человеком, как вы,— наконец ответила женщина,— полагаю, это полицейские должны беспокоиться.

— Да, наверное,— тихо промолвил я.

Поколебавшись, она показала рукой на дверь.

— Зеркало там, в раздевалке.

С этими словами врач ушла.

Я посмотрел на дверь, сомневаясь, что уже готов познакомиться с зеркалом.